

Моргунов
Б.

12.10.91

Росси. ирваго 1991-12 001-С.6
39

Всякую партию украсят Трус, Балбес, Бывалый

РОВНО тридцать лет назад страна содрогнулась от хохота. Историки скажут — был ли он самым гомерическим за все времена советской власти, а я думаю — да. Никогда страна еще так не смеялась — это, вышел на экраны «Пес Барбос и необычный кросс». Кинозрители сползали в темноте с кресел, падали, плакали, стонали. Дипломаты держали катушку с девятиминутным фильмом в сейфах и прокручивали его перед самыми ответственными приемами.

Все создатели фильма враз стали знаменитыми на всю планету, потому что его закупили едва ли не все существовавшие в то время страны. Леонид Гайдай в 37 лет стал классиком. Артист цирка, клоун Юрий Никулин — Пиротехник в «Девушке с гитарой», Клячкин в «Неподающихся» — стал Балбесом. Актер театра Георгий Вицин, сыгравший до того Гоголя и епима в кино и множество «серьезных» ролей в театре, навсегда превратился в Труса. Много до того сыгравший, но тем не менее никому не известный Евгений Моргунов до конца дней своих был наречен Бывалым.

Тогда, в тот ликующий день, никто из них, может быть, и не думал, что с этой секунды триумфа они начинают страшную, жестокую борьбу с гениально найденными им Гайдаем масками, которые имеют обыкновение сростаться с кожей и плотью.

Мы не будем подводить итоги этой борьбе — они, перед вами. Скажем только, что, какими бы они ни были, сеговать им на судьбу кощунственно. Актер режет себя на кусочки за мгновения народной любви. У этой «троицы» этой любви с избытком.

Этот снимок сделан в конце 1965 года. Молодому (тогда) фотографу позвонили дяди из «Советского экрана» и заказали на обложку январского номера «фактуру» — Трус, Балбес, Бывалый. Как уж он их снимет — дело, как говорится, мастера. Мастер от волнения несколько ночей плохо спал, но когда к его квартире был подан редакцией «рафик», он уже знал, что будет снимать.

Объезжали всех троих по очереди: Никулин вышел тотчас, Вицин тоже. Моргунова ждали, пришлось за ним сходить в квартиру. Евгений Александрович таким беспокойством был недоволен, страшно, потому что наемный вечером в Кремле был правительственный прием деятелей искусства, куда, естественно, все трое были приглашены. С женами. Выпили и закусили, видно, на славу, потому что пока ехали, да и потом, в студии, пока ставили свет, готовили реквизит, внутри «троицы» происходила «разборка полетов», и хохот по этому поводу стоял необычайный. Оказывается, видя, как важен на приеме Моргунов, как вальяжно и самозабвенно он раздает автографы, к нему подослали жену Вицина, которую Моргунов, естественно, прекрасно знал. «Я вас так люблю...» — пролепетала она, едва сдерживаясь от смеха, подсовывая Моргунову пригласительный билет. Тот черкнул Тамаре Федоровне автограф, не глядя, и сейчас, в студии, недоуменно переводил взгляд с Никулина на Вицина, не веря, что его так разыграли.

На снимок было потрачено две пленки, в продолжение которых уже смеялись по другим поводам. Никулин не умолкал ни на секунду. Он

может гениально «сыграть» даже телефонную книгу. Вспомнили, как в перерыве съемок, аппетитно обедавший домашней снедью Моргунов, к ужасу всей группы, съел, не заметив, плохо приклеенные усы. За сто километров посылали машину за другими. Вспомнили местных мужиков, забредших на площадку именно в тот момент, когда Вицина загримировали для съемок после взрыва динамита:

— Кто это? — спросили испуганные мужики. — Что с ним?

— Это Иван Семенович Козловский, — пошутил кто-то. — Он так напился что недавно съел чужую дачу, а сегодня вот — свою...

Потрясенные мужики тут же вылили припасенную поллитру в землю.

У фотографа болели от смеха щеки и тряслись руки — его спас штатив. Бесстрастный железный штатив, который в решающий момент не дрогнул и запечатлел Историю.

А В ЭТО самое мгновение Володя Цукерман, девятилетний мальчик, сидел в своей комнате на окраине Москвы и ножницами вырезал из журнала статью о любимом клоуне. Володя бредил этими тремя людьми уже целый год, и сегодня в его двенадцатиметровой комнате собрался музей о десяти тысячах экспонатов, который в узких московских кругах именуется «Троицей». В нем уникальные фотографии и еще более уникально-смешные истории о каждом из этих трех замечательных людей.

Но об этом — в следующих выпусках «Неизвестного кино»...

«Неизвестное кино»:
Юрий ГЕЙКО и
Игорь ГНЕВАШЕВ.